

К.Д.Гордович

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕТСКОГО ВЗГЛЯДА НА МИР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С СЕРЬЕЗНЫМИ СОЦИАЛЬНО ПРАВСТВЕННЫМИ ПРОБЛЕМАМИ

В работе рассматриваются произведения А.Чехова, И.Сургучева, В.Тендрякова, С.Соколова, Е.Некрасовой. Прослеживается развитие традиции рассказа о серьезных жизненных проблемах, увиденных глазами ребенка. Выявляется значимость детской естественности, непосредственности, наивности, явного непонимания. Подчеркивается общность некоторых мотивов, их развитие, новые акценты.

Ключевые слова: детский взгляд, наивность, естественность, непонимание, авторская задача

Традиция использования детского сознания, детского взгляда на мир возникла давно. Очень выразительные, яркие примеры находим в творчестве А.Чехова. Можно вспомнить и рассказы о тяжелых судьбах детей («Ванька», «Спать хочется»), и повесть «Степь», в которой автор в рассказ о восьмилетнем мальчике и его поездке в город включает размышления о России, ее судьбе. Особого внимания в этих произведениях требует вопрос о характере авторского присутствия в тексте, соотношении детского и взрослого взгляда.

Посмотрим на конкретных примерах, как развивалась традиция, как удавалось писателям, не нарушая возрастные возможности детского понимания, передавать читателю свое отношение, создавать яркие художественные образы. Начнем с уже названного мотива — тяжелая судьба детей бедняков. Возьмем для сопоставительного анализа тексты двух рассказов. Один — хрестоматийный чеховский «Ванька», известный буквально всем. Другой — «Ванькина молитва» (1918) И.Сургучева — широкому читателю он неизвестен, поскольку творчество этого автора еще предстоит «открыть».

Обращаем внимание на общность в судьбах детей. Ваньку Жукова после смерти матери «спроводили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину» [1]. У Ваньки Королькова недавно умер отец, и мать вынуждена отправить его на заработки в город. Чеховский герой уже испытал на себе все, что может в ближайшем будущем случиться с героем Сургучева. Пока же мать просит его «слушаться» хозяина, «почитать» буфетчика, а сам он только предполагает, что «может, его бить будут». Поэтому и «договаривается» с любимой собакой: «...Придешь, поговорим, — все свой человек. На душе и полегчает. Вам, собакам, добро: денег зарабатывать не надо, а нам надо» [2].

Оба автора дают своим маленьким героям «право голоса» — возможность самим рассказать о себе, своих мыслях и переживаниях. Ванька Жуков делает это в письме: «А вчера мне была выволочка... подмастерья надо мной насмеяются... а еды нету никакой... меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу...» [1, с. 479-481].

Озвученные размышления Ваньки Королькова открывают перед читателем попытки осознания ребенком свалившихся на него проблем, поиски выхода из сложившейся ситуации: «...соображает, много ли ему нужно денег для поддержания жизни своей и материной» [2, с. 244]. Лексика в этих размышлениях тоже совсем не детская: «Старуха... съест немного, но все-таки, как ни крути, копеек на двадцать в месяц сожрет. Сам на пятиалтынный слопаешь» [2, с. 244]. Оказывается, деньги нужны не только на еду, но и на одежду. Эти свалившиеся на восьмилетнего мужчину «заботы» (пока, конечно, только в мыслях, почти как игра) отразились на поведении мальчика. Он не вскочил с постели и не убежал к сверстникам, он ничего не попробовал в погребе: «В другое Время Ванька не выдержал бы и серьезно ознакомился со всеми вкусными вещами, но теперь, вспомнив, что все это — деньги, которые нужно зарабатывать, повернулся от искушения, глубоко вздохнул и полез вон из погреба» [2, с. 248].

Детский взгляд прорывается в воспоминаниях о смерти отца: «Потом отца положили в красный ящик, который очень приятно было трогать рукой и из которого могла бы выйти великолепная голубиная будка...» [2, с. 245]. В характеристике покойного отца автор сочетает мнения окружающих с воспоминаниями, ощущениями мальчика: «Его отец был пьяница и служил в “Городе Костроме” номерным, и когда его жалели, что он умер от водки, то говорили: “Золотой был человек!”». И Ванька помнит, как этот золотой человек с колючим небритым подбородком, с какими-то странными осоловелыми глазами, брал его, еще совсем маленького мальчишку, под мышку, высоко, до самого потолка поднимал и говорил: “Эх ты, мой наследник!”» [2, с. 244].

Детское в герое подмечает автор, рассказывая о последнем чаепитии дома: «С наслаждением, зажмурив глаза, он тянул с блюдечка сладкую жидкость и, забыв о трактире, думал, что если бы Бог привел ему сделаться царем...» [2, с. 249]. Не только мороженое и сладости видятся мальчику в этих мечтах: «Матери своей сделал бы дом в три комнаты, с большой печкой, чтобы греть кости» [2, с. 250].

Авторский голос подключается к словам героя-ребенка в характеристике взрослых, в описаниях природы, в интерпретации ситуаций. К примеру, у Чехова авторские «включения» про дедушку Ваньки: «Это маленький, тоненький, но необыкновенно юркий и подвижный старикашка, лет шестидесяти пяти с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами» [1, с. 478].

В рассказе Сургучева автор «обнаруживает» себя в первой же строчке повествования, называя Ваньку «мужчиной восьми лет» [2, с. 241]. Он, как и Чехов, сочетает изображение сегодняшней ситуации с воспоминаниями о прошлом и позволяет заглянуть в будущее.

Ваньке Жукову кажется, что в прошлом было просто замечательно. Он вспоминает дедушку, поездку за елкой для господ. Главное — он жил дома. Теперь же все ужасно — голод, побои, страх наказания. Мальчик, правда, живет надеждой, ему кажется, что дедушка его непременно выручит, — очень уж убедительно он написал о том, что «нету никакой возможности, просто смерть одна» [1, с. 480].

Для героя Сургучева тоже важны воспоминания о прошлом, прежде всего об отце. Он и пьянство его готов простить, лишь бы снова был рядом. Сегодняшний день Ваньки Королькова целиком посвящен осмыслению нового положения — необходимости самому зарабатывать деньги. И Ванька, и читатель могут только догадываться о том, как сложится его жизнь в городе.

Остановимся на центральных эпизодах рассказов. В рассказе Чехова это письмо, в рассказе Сургучева — совместная молитва Ваньки с матерью.

Письмо пишется в три захода. Жалобы предваряют просьбу (главную цель письма) о «божецкой милости» — забрать его отсюда домой. Сразу после просьбы «поклон в ножки» и готовность «Бога молить».

Сам Ванька растрогался, всхлипнул и решил подкрепить просьбу обещаниями. Он готов «отработать» — и табак деду тереть, и сапоги приказчику чистить, и в подпаски пойти. В будущем (когда вырастет) — обещает кормить и не давать в обиду. А Бога молить уже за упокой души, когда дедушка помрет. После таких обещаний Ванька переключается на рассказ о Москве и просьбу вполне детскую — на господской елке попросить для него золоченый орех.

Письмо еще раз переключается на воспоминания о доме. После них Ванька снова повторяет просьбу, но в усиленном варианте. Уже звучит не общая формула о «божецкой милости», а глубоко личное обращение: «Христом Богом тебя молю» [1, с. 481]. Здесь можно заметить не только упор на жалость («пожалей ты меня, сироту несчастную»), но и действительную оценку своего положения: «Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой».

Письмо, которое пишет Ванька Жуков, — это и крик о помощи, и рассказ об издевательствах, о безысходности, о страшном одиночестве мальчика. Автор, никак не комментируя от себя судьбу героя, усиливает впечатление читателя осознанием того, что этот крик души услышан не будет и милый дедушка за Ванькой не придет.

Неслучайно в названии рассказа Сургучева обозначено главное действие — молитва. Главная особенность этой необычной молитвы — сам Ванька. Автор останавливает внимание на взгляде, жестах, интонации мальчика. Вот как он смотрит на икону: «Бог висел в углу, борода у него была длинная и седая, кругом его головы сиял круг, а по бокам были сделаны золотые, дрожащие розы.... Ванька, бережно прикладывая сложенные пальцы ко лбу, груди и плечам, начал кланяться седому богу, сознавая всю важность своих действий» [2, с. 251]. Сначала Ванька повторял за матерью, а потом стал «переводить» нечетко звучащие ее слова «для Бога» и для убедительности немного добавлял от себя: «Она просит, чтобы ты спас меня! От беды, от лютой жизни — передавал он по порядку рыдающую речь. — От злого человека. Ангела послал бы ко мне... Моего ангела Иваном зовут...» — уж сам от себя пояснил он» [2, с. 252].

Посмотрим, как отмечает автор изменения в маленьком герое во время молитвы. Сначала Ванька «скороговоркой» повторял за матерью. В этот момент он еще замечает, «как по половине ползет большая зеленая муха». Первые повторы делаются уныло, ради формы. Скорее из желания сделать «как надо», «поправить положение» Ванька и стал расшифровывать слова матери. С этого момента нет больше формальных деталей. Уже не молится, а рыдает о своей и его судьбе мать. А Ванька «к стыду своему почувствовал, как что-то теплое течет из его глаз и падает на материну грудь» [2, с. 252]. В конце Ванька ведет себя, действительно, как большой. Ему жаль мать. Чтобы ее как-то утешить, он предлагает спеть на прощанье.

Сопоставим финалы рассказов. Как уже говорилось, осознание трагедии у Чехова передается читателю. Ванька же засыпает счастливым, уверенным, что дедушка за ним придет. В рассказе Сургучева финал открытый. Отсутствие конца, может быть, еще больше подчеркивает ту неопределенность, неизвестность, которая ждет мальчика и которая заставляет так сильно переживать его мать.

Интересен опыт развития традиции использования детского взгляда на мир в сюжетах, целиком связанных с жизнью взрослых. Перед нами рассказ В.Тендрякова «Пара гнедых» (1969—1971). Речь идет о начальном периоде коллективизации. Автобиографическому герою, глазами которого читатель видит происходящее, всего пять лет, и он, конечно, не может ни оценить положение деревенских жителей, ни поведение руководителей.

Перед читателем разворачиваются не воспоминания о детстве, а фиксация того, что сохранила детская память. Сразу же, естественно, встает вопрос, — можно ли доверять этой детской памяти. Автор утверждает, что за «поднятое со дна памяти» он «готов нести полную ответственность».

Принципиальное значение имеет и детская наивность, откровенное непонимание. Важным оказывается то, что ребенок не мог понять не по малолетству, а по нелепости проводимой политики. Значимо для психологической достоверности подчеркнутое сопоставление восприятия «тогда» и «потом»: «Меня тогда, разумеется, никак не трогали эти вопросы, однако хорошо помню ...» [3, с. 116].

Отбор эпизодов, «картинок» прошлого, конечно, осуществляет писатель. Пропуская их сквозь призму детского взгляда, он отказывается от взрослого комментария. Повествование строится на постоянных смещениях, столкновениях взглядов, позиций, поступков — богатых и бедных, мужиков и партийного руководителя. Обращаем внимание на частое использование формы вопроса — к самим себе, к старикам, к начальству. В этих вопросах о справедливости, чести, о завтрашнем дне и выявляются стержневые мотивы рассказа.

Своеобразие данного текста не только в использовании детского взгляда, но и в том, что партийный руководитель — отец мальчика. Соответственно его поступки не подвергаются сомнению. Пусть и без понимания, но мальчик видит силу, уверенность отца — силу власти, умение подчинять себе. И опять замечаем, как вместо комментария относительно сути происходящего, писатель включает запомнившиеся мальчику неожиданные изменения в отношении к отцу: «почему-то мне было его жаль сейчас» [3, с. 120]; «почему-то мне опять до боли, до крика стало жаль отца» ([3, с. 123].

Может быть, выбранный ракурс наблюдения определяется и тем моментом в развитии трагического конфликта, который изображен в рассказе. Перемещения богатых и бедных, начало разорения даром доставшегося дома, запугивание последствиями мужика, принявшего в «дар» коней — все это только начало процесса коллективизации. О том, что будет, участники событий могут только со страхом догадываться: «Нынче у меня дом отняли, завтра коней, а послезавтра... А вдруг да не остановитесь, Федор Васильевич? — На полдороге не остановимся, не мечтай!».

Ответом на все непонимания и опасения служат документальные реплики финала. В них не меньше, чем цифры, подтверждающие реализацию раскулачивания, впечатляет инструкция. Эти документы дают трагическую подсветку тем почти безобидным эпизодам, которые сохранила детская память. Но сила и скрывается в этом соотношении отдельных конкретных эпизодов и общего смысла антинародной политики. Неслучайно и отцу будет дана неопределенная, но вполне оценочная, много раз повторенная реплика: «Что-то тут не продумано» [3, с. 123].

Тендряков создал цикл автобиографических рассказов. «Пара гнедых» — первый в этом цикле. В следующих герой будет старше, будет не только наблюдать, но и участвовать в событиях. Для выявления принципов авторского повествования особенно показателен именно первый.

Вернемся к Чехову. Повесть «Степь» интересна соотношением детского и взрослого взгляда, важностью для автора детской естественности, наивности. Попытаемся сопоставить повесть Чехова с постмодернистским произведением Саши Соколова «Школа для дураков» (1973).

Чехова — автора «Степи» — интересовала не сама по себе детская психология, но возможность естественной реакции на окружающий мир, непредвзятость впечатлений при создании широкой картины жизни, соотношение наивности и любознательности ребенка с собственными раздумьями о России.

В книге Саши Соколова значительно усилена степень враждебности детского и взрослого мира, именно враждебности, а не только взаимного непонимания. Ребенок воспринимается взрослыми то как помеха, то как безразлично чужой, то его просто не замечают. Детское отношение дано в ответной реакции на заботы, упреки, наставления, наказания взрослых.

Получила развитие и данная через восприятие героя линия обобщения. У Чехова она носит философско-лирический характер — мотив России, Родины. У Соколова акцент делается на ненормальности во всех сферах жизни. Смысл названия от указания на место действия расширяется до символизирующего всеобщую атмосферу абсурда.

Отнюдь не ради демонстрации детской наивности заставляет Чехов своего Егорушку размышлять о «взрослых» проблемах. Каждая из них таким путем переключается в общечеловеческий план: «Зачем люди женятся? К чему на этом свете женщины? Егорушка задавал себе неясные вопросы и думал, что мужчине, наверное, хорошо, если возле него постоянно живет ласковая, веселая и красивая женщина» [4]. И в то же время автор настойчиво подчеркивает детскость взглядов и ощущений героя, его незащищенность, открытость: «От мысли, что он забыт и брошен на произвол судьбы, ему становилось холодно и так жутко, что он несколько раз порывался спрыгнуть с тюка и опрометью без оглядки побежать назад по дороге ... И только когда он шептал «Мама! Мама!» - ему становилось как будто легче...» [4, с. 83].

Впечатления внешнего мира в сознание чеховского Егорушки проникают не всегда легко и свободно — препятствием могут быть слезы, сонное состояние, просто возрастная невозможность понять увиденное. Автор чуть-чуть корректирует взгляд ребенка, скорее даже комментирует его. Читатель постоянно ощущает его присутствие. При этом обязательно выделен, акцентирован взгляд Егорушки.

Мысли ребенка почти материальны, они «путаются, как нитки». Герой отдается «на волю своим мыслям», «не мешает себе думать». Автор фиксирует этот процесс думания: «Сонный мозг совсем отказался от обыкновенных мыслей, туманился и удерживал одни только сказочные, фантастические образы, которые имеют то удобство, что как-то сами собой, без всяких хлопот со стороны думающего зарождаются в мозгу и сами — стоит только хорошенько встряхнуть головой, исчезают бесследно» [4, с. 44].

«Сказочные мысли» связаны и с конкретной ситуацией, но она — лишь толчок к размышлению (конечно, уже самого автора), в котором живут те же сказочные персонажи, но речь идет о России, ее просторах, ее героях: «Своим простором она возбудила в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен этот простор? Непонятно и странно. Можно в самом деле подумать, что

на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника» [4, с. 48].

Не раз воспроизводя взгляд Егорушки, писатель отмечает, чего не мог знать его юный герой, а значит, его воображение рисовало ему лишь то, что «кажется», а не действительную картину: «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить; Егорушка еще не знал этого, и, прежде чем каша была съедена, он уж глубоко верил, что вокруг котла сидят люди, оскорбленные и обиженные судьбой» [4, с. 64].

В ряде случаев Чехов включает в текст и прямое сопоставление того, что Егорушке казалось теперь, и что он узнал после: «Теперь Егорушка все принимал за чистую монету и верил каждому слову, впоследствии же ему казалось странным, что человек, изъездивший на своем веку всю Россию, видевший и знавший многое, человек, у которого сторели жена и дети, обесценивал свою богатую жизнь до того, что всякий раз, сидя у костра, или молчал или говорил о том, чего не было» [4, с. 72].

Простор, оторванность от бытовых обстоятельств, отрывки услышанных разговоров взрослых — все это погружает мальчика в ощущение заброшенности и одиночества, вызывает даже мысли о смерти. Для ребенка и они должны найти конкретное, а не отвлеченное выражение. Но, — подчеркивает писатель, — как Егорушка «ни старался вообразить себя самого в темной могиле, вдали от дома, брошенным, беспомощным и мертвым, это не удавалось ему; лично для себя он не допускал возможности умереть и чувствовал, что никогда не умрет» [4, с. 66]. А вот образная характеристика состояния заброшенности оказывается очень выразительной на примере случайно попавшегося на глаза мальчику пальто: «Поглядев на него, Егорушка почувствовал к нему жалость, вспомнил, что он и пальто — оба брошены на произвол судьбы, что им уж больше не вернуться домой, и зарыдал так, что едва не свалился с кизяка» [4, с. 87].

Говоря о перекличке мотивов «Степи» и «Школы для дураков», нельзя не учитывать того, что Чехов с самого начала подчеркивает душевное здоровье Егорушки, а в книге Соколова здоровое начало угадывается, несмотря на болезненное состояние, а то и в самом характере болезни.

Автор постоянно обыгрывает вопрос о болезни героя. Формальные признаки шизофрении проявляются и в состоянии раздвоенности, и в спорах с самим собой, и в провалах памяти, и в смешении времени. Однако все эти признаки — не ради правдоподобия картины болезни. Неестественное состояние героя дает писателю возможность необычного подхода к анализу окружающего мира: «Дорогая мама, я не знаю, можно ли быть инженером и школьником вместе, может, кому-то и нельзя, кто-то не может, кому-то не дано, но я, выбравший свободу, одну из ее форм, я волен поступать, как хочу и являться кем угодно вместе и порознь, неужели ты не понимаешь этого?» [5].

Раздвоение позволяет герою в нужные моменты уйти, оставив за себя «вторую половину». Он может осуществить (пусть в воображении) то, что не достижимо в реальной жизни — например, расправиться с завучем, превратив ее в сказочную ведьму: «...и она сама, седобородая ведьма с заспанным лицом старухи, которая уже умерла, но которую насильно разбудили и заставили жить...» [5, с. 125], бросить обвинение в лицо директору в ответ на введение «тапочной системы».

Особое состояние героя позволяет в то же время возвращать из небытия тех, кто дорог. Поэтому любимый учитель Норвегов как бы не умер — герой и читатель вновь видят его то сидящим на батарее в школьном туалете, то на платформе дачного поселка.

Сохранив признаки безумия героя, автор дает нам возможность убедиться, что за ними скрывается абсолютно здоровое восприятие. Подтверждение этому находим даже в ссылке на ненавистного доктора Заузе: «Там, в больнице Заузе ужасно смеялся над нами, что мы такие фантазеры. Больной такой-то, смеялся он, честно говоря, я не встречал человека здоровее вас, но вот в чем ваша беда: вы невероятный фантазер» [5, с. 57]. И еще не раз сам герой подчеркивает главную особенность восприятия происходящего — совсем не обязательно, что было именно так, важно, как к этому относиться: «Возможно, именно эту девочку мы с учителем Савлом называли Розой Ветровой. Да, возможно. А возможно, что такой девочки никогда не было и мы придумали ее сами, как и все остальное на свете» [5, с. 191].

Герой на самом деле значительно превосходит окружающих его здоровых людей в умении понять другого человека, в способности к сопереживанию. Внутренняя чистота мальчика, его противостояние лицемерию вновь заставляет вспомнить Чехова, особенности изображения им «взрослого» мира, увиденного глазами ребенка.

Еще острее мотив враждебности детского и взрослого миров и, соответственно, взгляда на мир звучит в недавней книге Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» (2019). Все происходящее мы видим глазами десятилетней девочки, делящей всех людей на «выросших» и «невыросших». Она крайне одинока. Даже мама, как ей кажется, «Любит ее не так» [6]. А папа, по ее представлениям, «ее и вовсе ненавидит» [6, с. 162] за то, что она «его позорит» своей учебой. Он и готов вроде бы с ней позаниматься, но делает это, мягко скажем, «непедагогично»: «Все было как обычно. Катя сидела за столом, а папа вдалбливал, что стихи пишутся в столбик» [6, с. 52]; «От папиной громкости и собственной усталости в Катиных глазах и ушах все разжеванные примеры сливались в липкую кашу» [6, с. 53].

У учительницы сложилась и неколебима установка перевести слабую ученицу в школу для отстающих (вариант «школы для дураков»). И она, ни на минуту не задумываясь о своей бестактности, объясняет Кате, что та не может учиться в их школе, не способна, не тянет: «Не волнуйся. Тебе будет гораздо комфортнее учиться среди детей твоего уровня» [6, с. 119].

Одноклассники дразнят и обижают Катю, обзывают «дебилкой». Случайно возникшая подруга пересаживается к более удачливой девочке и вообще перестает с Катей общаться.

В какой-то момент мы становимся свидетелями, как Катя готова включить газ, чтобы уйти из жизни: «Вдруг Катя на краешке отчаяния нащупала ответ. Будущее нужно отменить» [6, с. 134]. Не очень понятно, как, но все обошлось. Как и в книге Соколова, очень значимо детское воображение. Именно оно — главный участник создания Кикиморы, ставшей спутницей, помощницей, защитницей для Кати, заменившей реальных сверстников. Ей можно будет высказать свои обиды на мир.

Есть и в реальном Катином мире кое-какие просветы. Встретилась на ее пути, хотя и очень ненадолго замечательная учительница — Ольга Митиевна. Это случилось в лагере, где Катя маялась, а мама на просьбы забрать ее, напоминала о том, как трудно папе досталась эта путевка. И вот на занятиях Ольги Митиевны Кате «впервые стало интересно» [6, с. 151], а учительницу очень заинтересовали Катины сочинения. Обращаем внимание, как даже внешне изменилась Катя под влиянием такой необычной для нее ситуации: «Она сделалась выше ростом, спокойней для самой себя» [6, с. 153].

Интересен и маленький эпизод общения с детьми около дома. Катю приняли в игру, она увлеклась, забыв и про Кикимору, и про пагет с вкусными покупками, и про скорый приход родителей. Видимо, — намекает автор, — дело не только в зажатости и замкнутости Кати, но и в тех, кто с ней рядом.

К сожалению, даже самый близкий человек — мама — далеко не сразу понимает, насколько для ее дочери важно общение: «Кате очень сильно захотелось обниматься, чтобы набраться сил. Мама спала, и силы у нее вряд ли нашлись бы» [6, с. 109]. Читатель об изменениях в мамином отношении к дочери, об их вечерних разговорах узнает уже из авторского эпилога, в рамках сюжетного повествования этого нет.

В последние годы часто появляются книги, в которых мир показан глазами подростков 13—17 лет. К примеру, «Город Брежнев» Ш.Идиатуллика, «Душа моя, Павел» А.Варламова. Однако в данной работе мне важно было показать развитие традиции использования именно детского взгляда на окружающую реальность.

1. Чехов А. Ванька // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 5. М., 1976. С. 481.
2. Сургучев И. Ванькина молитва: рассказ // Сургучев И.Д. Губернатор: повесть, рассказы. М.: Современник, 1987. С. 248.
3. Тендряков В. Пара гнедых // Тендряков В.Ф. Охота. М.: Правда, 1991. С. 101.
4. Чехов А. Степь // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 7. М., 1977. С. 78.
5. Соколов Саша. Школа для дураков // Соколов Саша. Школа для дураков. Между собакой и волком. СПб.: Симпозиум, 1999. С. 95.
6. Некрасова Е. Калечина-Малечина. М: АСТ, 2019. С. 162.

References

1. Chekhov A. Van'ka. In: Chekhov A.P. Complete works in 30 vols, vol. 5. Moscow, 1976, p. 481.
2. Surguchev I. Van'kina molitva: rasskaz [Vanka's prayer: story]. In: Surguchev I.D. Gubernator: povest', rasskazy. Moscow, 1987, p. 248.
3. Tendryakov V. Para gnedykh [Pair of bays]. In: Tendryakov V.F. Okhota. Moscow, 1991, p. 101.
4. Chekhov A. Step' [Steppe]. In: Chekhov A.P. Complete works in 30 vols, vol. 7. Moscow, 1977, p. 78.
5. Sokolov Sasha. Shkola dlya durakov [School for fools]. In: Sokolov Sasha. Shkola dlya durakov. Mezhdub sobakoy i volkom. St. Petersburg, 1999, p. 95.
6. Nekrasova E. Kalechina-Malechina. Moscow, 2019, p. 162.

Gordovich K.D. The development of the tradition of using a child's perspective on the world in the works with serious social and moral issues. This paper considers the works of Anton Chekhov, Ilya Surguchev, Vladimir Tendryakov, Sasha Sokolov and Evgeniya Nekrasova. The development of the tradition of a story about serious life problems seen through the eyes of a child is traced. The importance of children's naturalness, immediacy, naivety and obvious lack of understanding is revealed. The commonality of some motives, their development, new accents are emphasized.

Keywords: a child's perspective, naivety, naturalness, lack of understanding, author's task.

Сведения об авторе. Кира Дмитриевна Гордович — доктор филологических наук, профессор; Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, профессор кафедры Книгоиздания и книжной торговли; ORCID: 0000-0001-7265-1425; grdvkda@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.08.2022. Принята к публикации 10.10.2022.

Ссылка на эту статью: Гордович К.Д. Развитие традиции использования детского взгляда на мир в произведениях с серьезными социально нравственными проблемами // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 1(46). С. 25-29. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(46).25-29

For citation: Gordovich K.D. The development of the tradition of using a child's perspective on the world in the works with serious social and moral issues. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 1(46), pp. 25-29. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(46).25-29